

ОРЕШНИКОВЫЙ ЛЕС

“Как она могла видеть Олафа?” - спросил Джек. “Она сказала, что Один вел Дикую охоту, но я видел только облака и эту... штуку, свисающую с неба”.

“Эта ”штука“ называется смерч”, - сказал Бард, бросая горсть сухих сосновых иголок в огонь очага. Приятный запах наполнил воздух. Торгиль крепко спала на подстилке из сухого вереска. Благодаря снотворному напитку Барда она больше не металась и не пыталась рвать на себе волосы. Это был самый долгий час в жизни Джека, когда он тащил ее в дом Барда, не давая ей причинить себе вред.

Ее волосы отросли за последний год, и они были на удивление чистыми. Она больше не свисала неопрятной бахромой из-за того, что ее разрезали ножом для снятия чешуи с рыбы. Это был бледно-золотистый цвет, как солнечный свет на снегу. Несмотря на синяки — а Торгиль редко испытывала недостаток в них, — в ее лице была нежность, которую Джек раньше не замечал. Он понял, что за последний год она изменилась, стала выше и красивее.

Джек отвернулся, его щеки пылали от смущения. Какое это имело значение? Она была все той же вспыльчивой Торгиль, как бы она ни выглядела.

“Я никогда не знал, что смерч может быть таким разрушительным”, - заметил старик, роясь в сундуке. “Он пропахал дорогу через лес и, вероятно, унес Гога и Магога”.

“Что оно сделало?” - спросил Джек. Забежав домой проведать своих родителей, он провел вчерашний день, помогая Барду готовить эликсиры. Было уже утро, и Джек не приближался к деревне со времени шторма.

“Сын кузнеца сказал мне, что Гог и Магог исчезли”.

“Возможно, они убежали”, - предположил Джек. Мысль о том, что людей утащат в небо, была ужасна.

“Боюсь, что нет. Кузнец сказал, что им нравится сидеть снаружи во время штормов. Это был единственный раз, когда он видел, как они улыбаются, и поскольку это было их единственным удовольствием, он оставил их наедине с этим. Похоже, это было ошибкой.”

Джек видел, как Гог и Магог сидели на корточках в грязи во время грозы. Они сидели вместе, раскачиваясь взад-вперед, обратив лица к небу. Их зубы сверкнули в свете молнии. Казалось, они были охвачены дикой радостью, которую Джек не понимал и не хотел видеть, и он поспешил уйти так быстро, как только мог. Он вздрогнул. “Где они сейчас, господин?”

“Это зависит от того, кто проводил Дикую охоту”. Бард разложил коллекцию горшков, понюхал каждый и сделал выбор. Он снял с полки большую ступку и пестик. “О, да, охота настоящая”, - сказал он, измельчая травы. “Кто возглавит это, зависит от того, кто это видит. Брат Эйден почти попался в детстве, пока отец Северус не спас его. Эйден был убежден, что видел Лесного Лорда и его гончих. Северусу показалось, что он видел сатану, ведущего проклятых.”

“И Торгиль увидела Олафа Однобрового”, - сказал Джек

“Если она права, Гога и Магога, возможно, забрали в Валгаллу. Это бы сделало ее раздражительной!” Голубые глаза Барда блеснули. “Ну что ж, Торгиль не была бы Торгиль, если бы не была капризной”.

“Если ты так говоришь”. Лично Джек не возражал бы, если бы воительница была приятнее — больше похожа на Пегу, например. Было чрезвычайно утомительно выступать посредником между ней и врагами, которых ей всегда удавалось нажить. И все же, когда он увидел ее лежащей рядом с овчарней, мертвой, насколько он мог судить, как та бедная овца—

“С ней все будет в порядке”, - сказал Бард, обладая сверхъестественной способностью знать, что происходит в голове Джека. “Теперь я хочу, чтобы ты смешал содержимое этой ступки с куском сливочного масла размером с куриное яйцо. Замеси горсть муки с достаточным количеством воды, чтобы получилась густая паста, все перемешай и раскатай в шарики размером с горошину. Высуши их перед огнем.”

“В какой посуде мне это хранить?” - спросил Джек, который делал это раньше.

“Зеленый от головной боли. Хорошо, хорошо, сад почти убран дочиста. Мне понадобятся растения из леса.”

Вскоре они уже спускались по тропинке, оставив Торгиль спать. Бард надел свою лучшую мантию, подпоясанную поясом, чтобы защитить ее от грязи. Его белая борода веером падала на грудь, а ноги были обуты в коричневые кожаные ботинки со шнуровкой спереди. Каким бы старым он ни был, ему едва ли нужно было опираться на свой посох из черного ясеня, хотя Джек был нужен ему, чтобы нести эликсиры и арфу.

Джек чувствовал, как жизненная сила разливается в воздухе вокруг посоха, и это наполнило его тоской. Когда-то у него тоже была такая волшебная вещь. Он также владел руной защиты, если можно сказать, что такая вещь кому-то принадлежала. Руна переходила от человека к человеку, следуя своей собственной судьбе, которая была за пределами понимания того, кто стремился обладать ею. Однажды ушедшее, оно никогда не сможет вернуться. Джек мысленно вздохнул, вспомнив его живое золото с выгравированным изображением Иггдрассиля. Она хранила Барда много долгих лет, прежде чем попала к Джеку, а затем — в минуту слабости, мрачно подумал он — он отдал ее Торгиль.

Поля были странно голыми, как ошипанные цыплята, и не у одного дома не хватало крыши. Вода сочилась со склонов холмов. Ручьи прорезали в почве новые каналы, и тут и там солнечный свет отражался от прудов.

Джек оглянулся на дом Барда, опасно примостившийся на утесе над морем. Он прекрасно выдержал шторм.

Джек не знал, было ли это вызвано удачей или магией старика, но она прилипла к камням, как липучка.

Они прошли по деревне, раздавая лекарства там, где это было необходимо, и дельные советы. В доме кузнеца Бард играл музыку, чтобы поднять настроение семье.

“Тог и Магог были как мои собственные парни — ну, если бы они были поярче и презентабельнее”, - поправился кузнец, с любовью глядя на своих красивых дочерей и сыновей. “Я так к ним привык. Они спали в куче с коровами, и если волк подходил близко, они поднимали такое мычание, что ни один теленок никогда не терялся. Я буду скучать по ним, клянусь Богом, я буду скучать по бедным, безмозглым созданиям”.

“Ты заставлял их трудиться за корки хлеба”, - безжалостно подумал Джек.

Бард играл на своей арфе. Жена кузнеца постукивала ногой в такт, а Колин, младший сын

кузнеца, исполнил импровизированную джигу.

И все же, размышлял Джек, если бы Гог и Магог не пришли сюда, кто знает, какая судьба могла бы их постигнуть? Они могли бы оказаться рабами на свинцовой шахте. По крайней мере, у них была какая-то радость, они мычали вместе с коровами и поклонялись молнии. В конце концов, что такое счастье? Он подумал о Торгиль, чьей надеждой было пасть в битве; и о своем отце, Джайлсе Кривоноге, который наслаждался разочарованием; и об отце Северусе, который наслаждался холодными ваннами и постом. Эльфы стремились к бесконечному кругу удовольствий — не много пользы это принесло им, поскольку они были обречены исчезнуть в конце дней.

Счастье - это головоломка, и ошибки быть не может, решил Джек.

Бард разбудил его, и они снова отправились в путь. Ключья тумана поднимались из сотен ручейков, оставленных бурей, и пугало согнулось пополам на разоренном поле. "Он ничего не защитил", - прокомментировал Джек, когда они проехали мимо по мягкой земле.

"Воронам Одина требуется нечто большее, чем куча соломы, чтобы произвести впечатление", - сказал Бард.

Джек и Бард поплелись дальше, наблюдая за опустошенными полями ячменя и овса. По словам жителей деревни, половина овец пропала, хотя большинство из них, вероятно, найдется. Куры и крупный рогатый скот были защищены в помещении, и пони Торгиль тоже выжили. Девочки Таннер затащили их в свою лачугу, когда увидели приближающиеся черные тучи.

Это был удивительный подвиг, учитывая, что внутри едва хватало места для Кожевников. Девочки заставили лошадей лечь, а затем легли на них сверху, а их мать оказалась между ними. Это было удушающее месиво из лошадиной и человеческой плоти, но все выжили.

"Это значит, что мы заслужили право кататься на них", - заявила Имма, старшая Таннер, когда Джек и Бард остановились, чтобы проверить их благополучие

"Тебе придется обсудить это с Торгиль", - сказал старик.

"Пф! Она думает, что ей принадлежит все. Кто ее отец, я вас спрашиваю? - грубо спросила девушка. "Где ее семья?"

"Все говорят, что она ведет себя как северянка", - добавила ее младшая сестра Итла.

Бард повернулся к ним так внезапно, что девочки отпрянули, а их мать схватила их за руки. "Как вы смеете так обращаться с Бардом?" - воскликнула миссис Таннер. "Немедленно встаньте на колени и попросите у него прощения. Честно говоря, господин, я не знаю, что с ними стало с тех пор, как умер их отец." Она толкнула девочек на землю, и они громко извинились.

Джек не был удивлен. Один взгляд на лицо старика, и вы поняли, почему он был известен как Драконий язык и почему даже короли северян боялись его. Но девочки сказали только то, о чем все остальные, вероятно, шептались.

Они нашли маму сидящей у ульев. Уцелели только две колонии. Остальные умирали от холода

и сырости, пчелы ползали по земле или слабо барахтались в грязи. Мать развела неподалеку костер — не слишком близко, потому что дым мог навредить и им, — и разложила ломти хлеба, политые медом. Насекомые жадно столпились вокруг еды.

“Они последние из королевского рода, - печально сказала она, - привезенные сюда римлянами. Женщины моей семьи охраняли их с незапамятных времен. Ни одна саксонская пчела не сравнится с ними по силе и трудолюбию, будет удачей если они переживут эту зиму”.

Бард играл на своей арфе, а Мать пела, используя маленькую магию, которая успокаивала нервных животных. Ее голос сам по себе был похож на сонное пчелиное жужжание. Она рассказала им о грядущих солнечных днях, о новых цветах и теплом бризе.

“Как у тебя с запасом свечей?” - спросил Бард, когда он вернул арфу Джеку.

“Я знаю, что у тебя на уме”, - ответила она. “Урожай уничтожен, и если мы хотим пережить эту зиму, мы должны обменять их на зерно. Все, что у меня есть, твое”.

“Я всегда могу рассчитывать на тебя, Алдита”, - тепло сказал старик, сжимая ее руки.

Оттуда Бард и Джек направились в орешниковую рощу, которая лежала в тени дубового леса. Этот лес, хотя и был завален мусором, был пощажен. Путаницу ветвей и корявых корней пересекали странные маленькие тропинки, устланные колокольчиками. В орешниковом лесу вы можете встретить кого угодно — длинноухих зайцев, барсуков, волка, прячущегося в сумерках, или даже медведя. Это было тайное, знающее место, и вам не стоит входить в него после наступления темноты. Листья теперь сияли с жутковатой яркостью, а воздух был свежим и восхитительным.

“Как будто шторма никогда и не было”, - сказал Джек с удивлением.

“Ореховые леса защищены”, - сказал Бард. “В Школе бардов, где я, кстати, был выдающимся учеником, новичка оставили на ночь в орешниковом лесу. Утром учителя спросили его, что он видел. Ты понятия не имеешь, как некоторые из этих парней скручивали себя в узлы, пытаясь сказать то, чего, по их мнению, хотели старые барды. Если мальчики лгали, их отсылали прочь и никогда не разрешали возвращаться”.

“Только за это”, - пробормотал Джек, думая о тех случаях, когда он лгал, чтобы избежать взбучки от отца.

“Служение жизненной силе - это серьезное дело”, - сказал старик.

“Что видели вы, господин?” - дерзко сказал Джек, потому что Бард редко отвечал на вопросы о себе.

Старик кончиком своего посоха отодвинул в сторону поваленную ветку. “Прямо сейчас я вижу грибы”. Гроздь жирных грибов с белыми стеблями и коричневыми шляпками столпилась у подножия дерева. “Нам повезло, парень. Из них получится превосходный ужин.”

Джек присел на корточки, чтобы собрать белые грибы, и от их насыщенного землистого запаха у него потекли слюнки.

“Ореховые леса полны жизненной силы”, - продолжил Бард, убирая с дороги еще больше веток. “Они лежат близко к границам между девятью мирами, и многие тайные тропы скрыты под их

листьями. Настоящий бард знает, как их найти.”

Джек почувствовал страх, который быстро постарался подавить. Его опыт общения с другими мирами в основном был плохим. С другой стороны, были хорошие моменты — например, когда они с Торгиль нашли Долину Иггдрасиль, — настолько окутанные славой, что слезы наворачивались на его глаза, когда он вспоминал их. И тут его осенила ужасная мысль: а что, если Бард прямо сейчас испытывает его? Возможно, пришло время выяснить, был ли он настоящим бардом или его следует отправить обратно пропалывать репу и гоняться за черномордыми овцами.

Джек огляделся, желая, чтобы листья растворились и показали ему тайную тропу. Но ничего не появилось. Это был обычный лес, полный мха и лишайников. Деревья, ближайшие к полям, были подстрижены близко к корням, чтобы дать возможность расти прямым ветвям, которые можно было бы использовать для заборов. Рыжая белка отчитала его с высокого насеста, и он увидел, как она в ярости взмахнула хвостом.

“Что ты видишь?” - спросил Бард мягким голосом.

У Джека сдавило горло. Солнечный свет парил над укрывающими листьями. Дрозд открыл клюв и запел. Паутинка деликатно затрепетала в дуновении воздуха. “Я вижу... О, будь оно проклято! Я ничего не вижу. Нет, это неправильно. Я вижу белку, жука, дрозда, паутину, но ничего важного. Я никогда не стану настоящим бардом!”

“А что может быть важнее белки, жука, дрозда и паутины?” - настаивал старик.

“Что?...” Джек поднял глаза.

“С тех пор как я взял тебя в ученики, я учил тебя видеть вещи такими, какие они есть. Пока ты этого не сделал, у тебя нет надежды заглянуть дальше. Однажды ночью, очень скоро, я хочу, чтобы ты спал здесь.”

Джек нервно сглотнул. При дневном свете лес казался спокойным и безопасным, но он знал, что с наступлением темноты все может измениться.

“Ты спросил меня, что я видел, когда проходил испытание в Школе бардов”, - сказал старик. “В первый раз я столкнулся с такими же существами, как вы — ежом, летучей мышью, оленихой с ее олененком. Но во второй раз... — Он замолчал.

Что произошло на вторую ночь? Джек лихорадочно соображал. Бард быстро зашагал дальше, и мальчик понял, что больше ни на какие вопросы он отвечать не будет.

Они пошли по одной из тропинок через орешниковый лес.

Колокольчики касались их лодыжек, и до них доносился звук воды, журчащей в невидимом ручье.

“Посмотри туда”, - приказал Бард. У Джека перехватило дыхание. Там, где когда-то была густая масса древних дубов, дорога была вырвана, как будто кто-то взял гигантский меч и

рубил направо и налево в самом сердце леса.

“Типично для Олафа и его тупоголовой шайки оставлять беспорядок”, - заметил Бард, глядя на разрушения.

“Торгиль была права?” - спросил Джек. “Один действительно вел здесь Дикую охоту?”

“Что-то вырвало эти дубы”.

Новая дорога была завалена ветками, а в центре, где земля была вспахана глубже, скопилась вода. - Если это была Охота, - осторожно сказал Джек, - то на что это была охота?

“Не на Гога и Магога, бедные ребята. Им просто не повезло оказаться на его пути”, - сказал Бард. “Дикая охота гонит перед собой несчастье. Чума, голод и война следуют за ними. Я верю, что нас ждет интересное время”.

Небо было ярко-голубым, как будто его никогда ничто не нарушало, а воздух был по-летнему теплым. Джек увидел, как брат Эйден пробирается сквозь ветви, как маленький воробей, перепрыгивающий с жердочки на жердочку. Монах держал высоко деревянный крест и пел на латыни. Джек не мог понять его, но было ясно, что слова были наполнены христианской магией.

“Эйден, друг мой, - позвал Бард, - ты окажешься по уши в грязи, если не будешь осторожен”.

Маленький монах посмотрел вверх и чуть не соскользнул с ветки. “Я должен освятить это место”, - сказал он, упираясь ногами. “Здесь было совершено зло”.

“Да, и на фермах тоже было причинено зло. Мы должны обменять зерно до наступления зимы”. Бард вышел на дорогу — для старика его походка была удивительно уверенной — и помог брату Эйдену встать на более твердую почву.

“Я могу смешивать чернила. Люди всегда хотят это купить”, - предложил монах. Брат Эйден был известен своими великолепными красками, которые использовались для написания священных рукописей.

“Превосходно! Я попрошу Пегу помочь тебе. Джек и Торгиль могут собирать травы для моих эликсиров. У Джона Флетчера есть запас оленьих шкур, и я уверен, что смогу вытащить несколько монет из сокровищницы вождя. О звезды! Эта новая дорога такая прямая, что можно поверить, что ее проложили римляне”.

Джек посмотрел на далекий луг и холмы за ним. Одинокая птица порхала с одной стороны этого отверстия на другую. Его крики доносились до него из тени тиса. “Это звучит... так грустно, ” пробормотал он.

Бард бросил на него острый взгляд. “Действительно. Он оплакивает потерю своих детенышей. Ты брал уроки языка птиц у Торгиля?”

Джек скорчил печальную гримасу. “Нет, господин. Последнее, чего хочет Торгиль, - это признать, что она их понимает.”

“Невыносимый ребенок. Она сделала карьеру упрямцы. Останься и помоги Эйдену, парень. Я буду ждать тебя к ужину.” Старик забрал арфу и корзину с грибами и зашагал прочь, оставив

Джека в неуверенности в том, что ему следует делать дальше.

“Мне бы очень хотелось, чтобы вы спели для меня”, - застенчиво сказал брат Эйден. “У меня тяжело на сердце из-за потери этих бедных людей”. Глаза маленького монаха наполнились слезами, и Джек понял, что он вспоминает свой собственный побег от Лесного Лорда, или сатаны, или того, кто возглавлял стаю охотников.

И Джек запел, о земле, когда она была нежной, а не дикой, об музыке на деревьях, когда ветер играл среди листьев. Он пел о прекрасных лугах, куда олени приносили своих детенышей, зная, что они в безопасности, и о крике жаворонков, кувыркающихся высоко в небе.

Постепенно лицо брата Эйдена прояснилось, и он снова выглядел полным надежды. “Спасибо”, - сказал он. “Твой голос чудесно исцеляет, почти такой же прекрасный, как у Пегги”. Он снова начал благословлять свежую рану в лесу.

Джек пристально посмотрел в проход, думая: “Это путь, по которому шел Один со своими воинами, если Торгиль видела их на самом деле”. Они прошли мимо нее, проигнорировав того, кто хотел присоединиться к ним, и забрав Гога и Магога, которые этого не хотели. Почему все всегда сравнивают меня с Пеггой?

Чувствуя себя слегка уязвленным, он попрощался с братом Эйденем и отправился домой, чтобы узнать, не может ли он помочь с ремонтом. ммыауы

<http://tl.rulate.ru/book/81483/2516384>